

САМИЗДАТ ВЕКА: АЛЕКСАНДР ЛОЙКО

3. КЛУБ "ФАКЕЛ"
3.1. АЛЕКСАНДР ЛОЙКО

В середине пятидесятых возник, как предвестник оттепели, клуб, один из молодежных клубов того времени, под именем ФАКЕЛ. Руководитель был замечательная фигура - длинный с длинным лицом и носом Мелиб Агурский, впоследствии известный профессор. Вместе с Сашей Лойко и другими молодыми поэтами мы устроили первое в жизни выступление перед аудиторией. Боялись КГБ, конечно. Мелиб надел черные очки, так, он думал, его не узнают, и эдакой носатой птицей смотрел из президиума. Саша читал юношеские свежие стихи, совершенно московские, где были чердаки, крыши, коты и пестрое на веревках белье. Нечто от Заболоцкого, которого он тогда не знал. И с нашей лианозовской группой близость была, хотелось бы подчеркнуть.

Позже мы несколько раз выступали вместе. Потом пути на время разошлись. Не знаю, в чем дело, но Саша не захотел черной литературной работы под прессом совдепии и ушел в лифтеры. Прошло время, и я прочел несколько листков машинописи, на которых значилось: Александр Лойко. Стихи были вдохновенны и хороши. Там тоже был наш пьющий поющий город с чердаками и бельем на веревках. Но было и другое, что называется, чистая поэзия. И общение наше возобновилось. Когда Саша эмигрировал, он издал книгу стихов "АНАПСКИЕ СТРОФЫ" (издательство "Полугай", 1993 год, Берлин), я написал предисловие. Как поэты теперь издают? За свой счет, конечно. В Берлине он еще выпустил "альманах", который был отмечен в печати. А совсем недавно я прочитал новые сонеты Александра Лойко, они были великолепны.

ГЕНРИХ САЛГИР

АНАПСКИЕ СТРОФЫ

Не мед, но пот - и по усам,
дурею от жары, не знаю сам,
зачем я, запутав, сижу здесь дотемна,
смущаю прах ваш, Евдокия Павловна,
зачем речь сбивчивая к вам обращена -

ряд или бред бессвязных сцен
эпохи социальных перемен,
хмелевший более, чем белое "Міцне",
и стольких воробьев проведший на мякине...
Лишь стреляный трезвел. Но дело не в вине.

А впрочем, может быть, и в нем.
Я пил с утра, потом в хинкальной днем,
но рядом - пляж и крик, вот и забрел сюда -
маяк, погост, обрыв - сижу, гляжу отсюда
на море, на закат, на дальние суда,

на камень ваш - он у обрыва
отчасти гордо, но и сиротливо
возносится среди оград, крестов болезных,
подкрашенных кой-где стараньями родных,
средь греческих разбитых плит, средь звезд железных.

И алюминиевый цвет
по кладбищу разбрасывает свет
довольно радостный. Фонарь, забор, верста -
все та же краска - памятник или ворота,
скамейка ли, киоск, могильная плита...

Что это? Равенства залог?
Уныние грешно, и, видит Бог,
я, Евдокия Павловна, бегу тоски,
но был мне скормлен этот цвет из детской соски
и он подкрасил кровь, судьбу, потом виски.

Вам трудно, видимо, понять,
нас разделяют ни "фита", ни "ять",
ни годы, но... галактики. Жары дурман
сбивает с панталыку, и прочел я - Шумань,
в то время как на вашем камне - Шаумань.

И видится подвижный немчик,
сменявший на сюртук кадетский френчик
и ручкой сделавший родне любвеобильной.
- В Россию? - О, майн гор! - Лишь с честностью одной?!
- Он движим бедностью... - И гордостью фамильной!

Оставил Лохтен куковать,
и, отыскав в Санкт-Петербурге вашу мать
- аль бабку, что верней - открыл салон
"Корсаж-плюмаж". Так что за дочь был счастья полон
ваш дед по матушке отец Авессалом.

- Мой милый Августин, мой Ав-
густин, - певал он, толику принял.
Коль дочек семеро, то что тянуть нуду -
сам и венчал по православному обряду,
призвав чему к любви, терпению и труду.

Ну что за диво! Братья Гrimm!
Ай, сказка, да еще поездка в Рим.
Неужто к россам был вельми свободный въезд?
На современный взгляд - фантастика. И выезд??
Ваш прах свидетельствует перемены мест.

Сейчас, любительница муз,
анапский поэтический союз
навряд бы отпустил на монолит рубли,
как вас читатели бы в массе ни любили -
певицу строек и берез родной земли.

С рублями, Евдокия, нда...
Я съязмальства без них. И навсегда.
Привык. Но вам-то без привычки - просто швах.

Вот хорошо бы родственник какой во швабах -
глядь вспомнит и пришлет пяток ночных рубах.

Такой пейзаж и антураж.
Рубахи - мелочь. И кидаться в раж -
лишь Господа гневить. Считайте - повезло,
что есть на ЧТО надеть (то есть в наличье тело),
и можно, скаж персты, перекрестить чело.

Шалеет время. Кроме злобы
еще есть трус и водка. Ей особый
почет - течет, строив строителей державы,
где питие веселием считалось, но, увы,
теперь лишь тризной отдает. И кильки ржавы.

Простите, беспокою вас.
Воображенье, а скорее глаз,
напишет старую Анапу, городок,
который был, конечно же, на новость падок,
а новость - ваш приезд и кашель, и платок.

От Петербурга вдалеке
вы в белом платье, с зонтиком в руке,
предчувствуя тоску, у моря взаперти
кляня болезнь, свалившуюся так некстати,
совсем не думали свою здесь смерть найти.

Наоборот, куда острей
средь греческих фелог, шаланд, сетей,
хожденья к маяку, прогулок на базар,
где Снайдерс бы поблек, а дыни лили сахар,
почувствовали вы вам выше данный дар.

Итак, что ране вы писали?
Цитировать стихи возвмусь едва ли,
но думается, было: "не иссякли звуки",
и жертвенность, и "манование руки",
кого-то призывающей "идти на муки".

И он пошел. Влюбленный в вас,
в признаниях своих он всякий раз
сбивался с темы, и... "Свобода... Идеал...",
и сетовал на жизнь, на то, что мало сделал,
и вот пошел в народ. Но тот его не звал.

Был бит зело под Костромой
и в длинных письмах из тюрьмы домой
описывал свой новый быт и звал к борьбе,
а вам прислал стихи ("строги не будьте к пробе"),
где ВАМ исправлено на жирное ТЕБЕ.

Той осенью вас представлял
широкой публике один журнал,
до дыр зачитанный им в ссылочной дыре.
Зимой с тоски покончил он с собой на Каре,
и вы, грустя, венчались в том же декабре.

Затем с супругом вы в Париже,
Карлсбад и дале Альпы - санки, лыжи -
весна в Венеции и лето в Палестине,
где крест, висевший на гостиничной стене,
вдруг натолкнул на мысль, осмеянную ныне.

Смех, впрочем, начался давно.
В век девятнадцатый так неумно
науке предпочесть миф, обращенный в прах;
в двадцатом веке этот смех притих на нарах,
был "посильнее "Фауста" немотный страх.

На жизнь свой отоварив чек,
скудеет человек в научный век.
И впрямь - чего искать на рубль пятаки,
когда душа легко перенеслась в пятки
и так покойно ей? Да будут сны легки!

Во всех обличьях хороша
загадочная русская душа -